

Чуньнян помогла пожилой женщине сесть на край кана и с тревогой сказала: «У нас дома еще есть яйца, ты должна сохранить их и напитать свое тело...»

В наше время всем приходится нелегко, а поскольку она еще не рожала, ей казалось неправильным принимать яйца у своей невестки.

Цзян Лю взглянула на нее, сняла обувь, забралась на кан и села, скрестив ноги.

«То, что принадлежит твоему дому, принадлежит тебе, но яйца — это знак привязанности от твоей невестки, так что ты не должна отказываться. К тому же ты беременна в первый раз, и это близнецы. Тебе нужно питаться полноценно».

Невестка семьи Сюй покорно склонила голову, молча приняв совет.

Цзян Лю, раздраженная молчанием невестки, начала читать ей нотации: «Посмотри на себя, уже беременная, но все время съезживаешься дома. Ногам и ступням полезно двигаться, это также будет способствовать более мягким родам».

Чуньнян хотела опровергнуть обвинение в том, что она постоянно сидит дома, но боялась перечить свекрови и расстроить ее, поэтому сдержалась.

Цзян Лю продолжила: «Тебе не нужно выполнять тяжелую или изнурительную работу. У тебя есть муж, и если он недоступен, просто позови своих невесток, и они тебе помогут».

Тронутая добротой свекрови, Чуньнян тихо ответила: «Да, мама».

Цзян Лю сидела прямо, продолжая читать лекции. Видя, что Чуньнян послушна и покладиста, в отличие от ее второй невестки, которая любит возражать, она почувствовала себя намного лучше. Давнее разочарование было разбавлено ситуацией с беременностью ее невестки.

Старушка коснулась носа Маленького Инбао и нежно сказала: «А ты, с этого момента, не позволяй своей матери носить тебя. Будь осторожна, чтобы случайно не задеть ребенка внутри нее».

Увидев, что бабушка говорит о ней, Инбао ухмыльнулась: «Бабушка, Инбао хорошая, мама не будет нести, бабушка будет нести!»

«Ах, какая милашка, можешь называть меня бабушкой».

Цзян Лю была в восторге, увидев, что малыш такой разумный и способный понимать человеческую речь. Она погладила маленькую головку малыша и ласково сказала: «Бабушка слишком стара, чтобы носить Инбао. Как насчет того, чтобы я позволила твоей сестре понести тебя в следующий раз?»

«Ммм!» Инбао согласно кивнула: «Сестра, неси!»

В домах первого и второго дяди было несколько мальчиков и только две девочки. Это были Дани из семьи старшего дяди и Эрни из дома второго дяди, девяти и шести лет соответственно.

В прошлой жизни она всюду следовала за двумя кузинами и играла с ними, пока ей не исполнилось пять лет.

Они подбирали рваную одежду, собирали дрова и амарант, даже наслаждались игрой в дом с грязью. Это было замечательное веселье.

Но эти счастливые воспоминания внезапно закончились с приездом Чэней.

«Вот и договорились. Бабушка заставит твою сестру нести тебя». Цзян Лю коснулась лба Инбао и сказала своей невестке: «Собери немного одежды для Инбао и отнеси ее во двор. Пусть твоя старшая невестка позаботится о ней некоторое время, а тебе нужно позаботиться о своей беременности».

«А?» Услышав это, Чуньян быстро отказалась: «Нехорошо беспокоить мою невестку. Инбао хороший ребенок, я... Я сама могу о ней позаботиться, это не проблема». Она не могла вынести мысли передать Инбао кому-то другому, даже своей невестке.

"Как хочешь."

Цзян Лю взглянула на свою третью невестку, чувствуя, что дала все необходимые указания. Она слезла с кана, надела туфли, отряхнула пыль с одежды и вышла, сказав на ходу:

«Если однажды вы поймете, что не справляетесь, просто позовите Дани, чтобы она пришла и помогла. Мне нужно вернуться. Будьте осторожны, не поднимайтесь и не идите на высокие или низкие места, чтобы не напрягаться».

«Я понимаю, мама».

Проводив свекровь, Чуньян вздохнула с облегчением.

Вспомнив совет свекрови больше двигаться, чтобы роды прошли легче, она протянула руку, чтобы обнять дочь: «Инбао, хочешь выйти с мамой на улицу и посмотреть на цветение персика?»

Инбао помнила наставления бабушки и не хотела, чтобы мать несла ее на руках.

Она покачала головой, отталкивая руку матери. Инбао повернула бедра, чтобы соскользнуть с кана, затем протянула свою маленькую руку, чтобы мать взяла ее.

Персиковое дерево за двором пышно цвело, его розовые лепестки были разбросаны по всей земле.

Пройдя несколько кругов, мать и дочь сели отдохнуть под персиковым деревом.

Инбао прислонилась к большому камню под деревом, приседая, чтобы сорвать персиковые цветы. Чуньян сидела рядом с ней, вышивая пару туфель в виде головы тигра.

Вдруг жена Ван Эра из соседнего дома пришла со своей корзиной для вышивания. Она плюхнулась на маленькую табуретку под деревом, некоторое время разглядывая туфли Чуньяна с головой тигра, прежде чем нарушить тишину: «О, ты делаешь туфли для Инбао?»

«Да». Чуньян не особо хотела общаться с женой Ван Эра, которая часто сплетничала о ней на улице.

Жена Ван Эра проигнорировала холодность Чуньяна и загадочно сказала: «Чуньян, позволь мне рассказать тебе кое-что интересное».

Чуньян взглянула на нее: «Что такое?»

Жена Ван Эра придвинула свой табурет поближе к Чуньяну, играя скромницу: «Знаешь,

невестка Чэнь Цуньчжэна родила перед Новым годом, а тетя У из Вест-Виллидж была акушеркой. Можете ли вы угадать, что произошло?»

"Что случилось?"

Жена Ван Эра усмехнулась, взглянула в сторону Инбао и, понизив голос, сказала: «Тетя У сказала, что у жены Чэнь Чанпина из Вест-Виллидж есть еще одна девочка».

Сюй Чуньнян не подняла глаз и презрительно сказала: «Что удивительного в том, что у нее есть дочь?»

«Хм! Это неудивительно, но с тех пор, как в семье Чэнь Эрланг родился ребенок, я ни разу не видела, чтобы она носила ребенка на улицу».

Чуньнян остановила работу, подняла глаза и сказала: «А что, если она не выйдет?»

Ван Эрнян прикрыла рот рукой и тихонько усмехнулась: «Некоторые люди говорят, что их ребенка отдали».

Сердце Чуньнян замерло, она нахмурилась.

«О, боже, кому они могли отдать ребёнка?» Ван Эрнян бросила взгляд на Инбао. «У кого есть лишние деньги, чтобы растить чужую дочь?»

Чуньнян строго спросила: «Что ты имеешь в виду, Эрнян?»

Ван Эрнян ухмыльнулась: «Я просто говорила небрежно, не переусердствуй. Инбао забрал мой, какое отношение она имеет к семье Чэнь Чанпина? В любом случае, Чэнь Эрлан образованный человек, его семья не испытывает недостатка в еде и питье, как они могли бросить ребенка, верно?»

Она подмигнула и продолжила: «Но мать Чэнь Чанпина сказала, что девочка родилась слабой и умерла на следующий день».

Умерла? Чуньнян почувствовала облегчение.

«О, люди могут говорить все, что хотят, кто знает, правда это или нет».

Разбираясь со своей темой, Ван Эрнян сказала: «Но акушерка У Синян сказала, что в день родов у ребенка был громкий крик, и она не выглядела слабой».

«Если она не была слабой, как же так вышло, что совершенно хороший ребенок внезапно исчез? О боже, я даже не смею думать об этом. Кто будет настолько бессердечным, чтобы бросить свою плоть и кровь, учитывая, что мы не голодаем?»

Чуньнян молчала.

Маленькая Инбао, собиравшая цветы персика, посмотрела на Ван Эрнян; ее сердце было в смятении.

В прошлой жизни семья Чэнь Чанпин настаивала, что ребенок родился слабым и умер до того, как его бросили в горах. Не было намерения преднамеренного отказа.

Поэтому правительство постановило, что ее следует вернуть в родную семью, а Чэнь Чанпин

должен был заплатить семье Цзян два таэля серебра за плату за воспитание.

Она вспомнила, что когда ее насильно увозили, у обоих ее родителей глаза были красными от слез.

Именно из-за этого случая семья Цзян полностью рассорилась с семьей Чэнь Чанпина.

Инбао потеряла нос и одернула рукав.

Это родимое пятно стало для Чэнь Чанпин и акушерки весомым доказательством ее личности. До того, как ей исполнится три года, она должна найти способ избавиться от него.

...

Вечером Сюй Чуньнян рассказала мужу о своем разговоре с Ван Эрняном, обеспокоенно спросив: «Как ты думаешь, может ли наша Инбао быть действительно ребенком Чэнь Чанпина?»

Цзян Саньлан замолчал. Спустя долгое время он наконец сказал: «Даже если она его ребенок, он уже бросил ее. Может ли он все еще хотеть вернуть ее?»

«Но...» Чуньнян прижала к себе дочь, чувствуя себя подавленной. «Мне не по себе».

Цзян Саньлан держал жену за руку, успокаивая ее: «Не волнуйся. Когда я нашел Инбао, вокруг не было никого, кто мог бы увидеть. Кто мог доказать, что ребенок из семьи Чэнь Чанпина? Более того, они бросили ребенка на кладбище, явно не желая, чтобы она выжила, так как же они могли прийти и искать ее после всего этого времени?»

«Мгм», — Сюй Чуньнян почувствовала небольшое облегчение.

Она закрыла глаза, но внезапно снова их открыла: «Саньланг, ты никому не сказал, где нашел Инбао, не так ли?»

Цзян Саньлан кивнул: «Я не глупый. Если мы решили вырастить Инбао, зачем мне говорить правду?»

«Это хорошо». Сюй Чуньнян кладет голову на грудь мужа и шепчет: «Если, если кто-то в будущем придет заявить права на Инбао, ты должен сказать, что мы нашли ее на горе Сяонань».

Север и юг разделены более чем десятью милями.

"Хорошо."

Муж и жена некоторое время молчали.

Чуньнян вдруг что-то вспомнил и с тревогой спросил: «Саньлан, у Инбао на запястье родимое пятно. Как ты думаешь, семья заявит на нее права, используя родимое пятно в качестве доказательства?»

Цзян Саньлан нахмурился и через некоторое время ответил: «Тогда мы просто сделаем так, чтобы никто больше не увидел ее родимое пятно».

«Но, — обеспокоенно сказала Чуньнян, — с нами все будет в порядке, когда будет холодно, но,

боюсь, мы не сможем спрятать это летом».

Ни за что ребенок не станет носить длинные рукава летом. Даже если мы заставим ее их носить, она не будет их носить. Она сама их снимет, ах.

«Не думай об этом больше, спи. Будет путь, где дорога заканчивается». Цзян Саньлан утешал жену: «В конце концов, Чэнь Чанпин — образованный человек, его репутация по-прежнему важна. Мы не крали и не грабили Инбао, если он хочет вернуть ее, он должен следовать надлежащим процедурам».

Чуньнян больше не заговорила, храня молчание.

<http://tl.rulate.ru/book/114931/4466117>